

УДК 34.01

DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2022/4/109-125>

**МАНИПУЛИРОВАНИЕ ЮРИДИЧЕСКИМИ ЦЕЛЯМИ
И СРЕДСТВАМИ В ПРОЦЕССЕ ТОЛКОВАНИЯ ПРАВА:
ПОНЯТИЕ, СОДЕРЖАНИЕ, ТЕХНОЛОГИИ**

М. А. Куликов

*Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации*

Поступила в редакцию 26 сентября 2022 г.

Аннотация: *поднимается проблема манипулирования юридическими целями и средствами в правоинтерпретационном процессе – широко распространенная, но практически не исследованная в отечественной юриспруденции форма правомерного поведения. Аргументируется позиция, согласно которой манипулирование юридическими целями и средствами имманентно правовому регулированию общественных отношений в целом и толкованию права в частности. На конкретных примерах раскрываются содержание, специфика и технологии манипулирования юридическими целями и средствами в правоинтерпретационном процессе, а также его влияние на правотворчество и реализацию права.*

Ключевые слова: *манипулирование, юридическая цель, юридическое средство, правовое регулирование, толкование права, правотворчество, реализация права, интерес.*

Abstract: *the problem of manipulation by means of legal goals and instruments in the process of interpretation of law is raised - a widespread, but practically unexplored form of lawful behavior. The position is argued, according to which the manipulation by means of legal goals and instruments is immanent to the legal regulation of social relations in general and to the interpretation of law in particular. Specific examples reveal the content, features and technologies of manipulating by means of legal goals and instruments in the process of interpretation of law, as well as its influence on lawmaking activities and the enforcement of law.*

Key words: *manipulation, legal goal, legal means, legal regulation, interpretation of law, lawmaking, realization of law, interest.*

Манипулятивные технологии в современном обществе стали практически неотъемлемым атрибутом управления, осуществляемого в различных формах и масштабах. Так, все чаще предметом пристального научного анализа становится манипулирование, реализуемое при помощи психологических, информационных, политических, финансово-экономических и других средств и механизмов. Однако манипулятивное воздействие на общественные отношения, имеющее место в процессе *правового регулирования* – одной из основных форм социального управления, как правило, игнорируется представителями как общей теории права, так и отраслевых юридических наук.

Вместе с тем манипулирование, осуществляемое при помощи юридических целей и средств, является достаточно распространенной практикой, оказывающей существенное воздействие как на эффективность механизма правового регулирования в целом, так и на правотворческий, правореализационный и правоинтерпретационный процессы в частности.

Полагаем, что манипулирование юридическими целями и средствами именно в процессе толкования права наиболее ярко демонстрирует особенности манипулятивных технологий, используемых в правовой жизни современного общества, и требует глубокого изучения.

К вопросу об имманентности манипулирования юридическими целями и средствами процессу толкования права

Не будет преувеличением сказать, что толкование права, традиционно понимаемое как процесс *уяснения* (интерпретационная техника) и *разъяснения* (интерпретационная практика) смысла юридических предписаний¹, является основой механизма правового регулирования. От грамотной, объективной и непредвзятой интерпретации права зависит как качество и эффективность правотворческого процесса (ибо создание норм права должно опираться на всестороннее понимание уже существующих правовых предписаний в конкретной сфере общественных отношений², а также тех, часто трудно прогнозируемых последствий, которые она с неизбежностью вызовет), так и эффективная реализация права в любой из ее форм (речь идет о соблюдении, исполнении, использовании и применении права).

В известном смысле правоинтерпретационный процесс «заканчивает» правотворчество, так как позволяет всесторонне изучить суть правовой нормы как с точки зрения ее текстуального выражения, так и того смысла, который в нее вложил (или пытался вложить) законодатель. Другими словами, без правоинтерпретационного процесса замысел правотворца может быть полностью и не раскрыт, а его воля и намерения останутся скрытыми под не всегда удачными дефинициями.

Помимо сказанного, интерпретация права предопределяет и во многом координирует его реализацию, так как поведение участников правоотношений, направленное на соблюдение, исполнение и использование юридических предписаний, равно как и деятельность правоприменителя, опираются, прежде всего, на *понимание смысла* того, чему нужно следовать или от чего необходимо воздержаться. Как правотворческий, так и правореализационный процесс – это волевая, субъективная, основанная на *интересах* его участников деятельность, мотивы и содержание кото-

¹ См.: *Вопленко Н. Н.* Виды и акты официального толкования права // Ленинградский юридический журнал. 2008. № 2 (12). С. 29–54 ; *Его же.* Толкование права. Волгоград, 2007.

² См.: *Бельский К. С., Павлова Е. Ю.* К вопросу о толковании норм финансового права // Финансовое право. 2020. № 3. С. 3–9.

рой полностью зависят от осознания последними тех реалий (как сугубо *правовых*, так и социально-политических, экономических, культурно-исторических и др.), в которых им приходится действовать.

Таким образом, казалось бы, вполне очевиден вывод, что без толкования права не всегда можно установить истинную волю правотворца, нашедшую отражение в нормативно-правовом акте, сопоставить дух и букву закона, соотнести действие правовых норм с постоянно изменяющимися реалиями, вызовами времени и даже понять юридическую специфику отдельных предписаний.

Вместе с тем необходимо сфокусировать внимание на двух практически аксиоматичных, но взаимоисключающих утверждениях, что: а) толкование *не должно* «домысливать» или «дополнять» закон и придавать ему требуемый лишь сложившимися обстоятельствами смысл; б) толкование *во многом зависит* от уровня правосознания субъекта правоинтерпретационного процесса, его профессионализма, культуры, эрудиции, в связи с чем «один и тот же закон можно истолковать по-разному, в зависимости от того, *кто и как* толкует, в *каких* целях»³.

Полагаем, что обозначенное выше диалектическое противоборство «*должного*» и «*сущего*» в процессе толкования права, так или иначе затрагиваемое в работах различных ученых и специалистов⁴, является тем фактором, который позволяет нам отстаивать тезис о том, что:

а) толкование права может выступать (и часто выступает) одной из наиболее распространенных *форм* манипулирования юридическими целями и средствами в механизме правового регулирования;

б) толкование права во многом обуславливается как *желанием*, так и *необходимостью* манипулирования юридическими целями и средствами ради повышения эффективности управленческого процесса, легализации и легитимизации проводимой политики и правомерной реализации интересов различных участников правоотношений в сложившихся определенным образом обстоятельствах.

Обобщить сказанное можно также и более категоричным утверждением, что *манипулирование юридическими целями и средствами имманентно правоинтерпретационному процессу*.

³ Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права : учебник. 5-е изд. М., 2021. С. 343.

⁴ См.: Еришов В. В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений. М., 2018 ; Черданцев А. Ф. Толкование права и договора. М., 2003 ; Власенко Н. А., Залогова М. В. Конкретизация и толкование права как творческое содержание судебной практики // Журнал российского права. 2016. № 8. С. 43–57 ; Зыков С. В. Телеологическое толкование категории «исключительное право» // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 4. С. 94–100 ; Потапенко Е. Г. Дефекты толкования норм арбитражного процессуального права в современной судебной практике // Российский судья. 2020. № 12. С. 15–19 ; и др.

Понятие и содержание манипулирования юридическими целями и средствами в правоинтерпретационном процессе

Для обоснования приведенного выше тезиса, необходимо обозначить нашу позицию относительно сущности манипулирования юридическими целями и средствами.

Прежде всего отметим, что традиционно термин «манипуляция» трактуется как одно из древнейших средств достижения целей человеческой деятельности, как стремление изменить восприятие или поведение других людей при помощи скрытой, обманной или насильственной тактики⁵.

Е. Л. Доценко под манипулированием понимает «вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями»⁶. Под манипуляцией понимают также форму духовного воздействия, неявного господства, скрытого применения власти вразрез с предполагаемой волей другого⁷ и т. д.

Под *манипулированием* как особой разновидностью управленческой деятельности предлагаем понимать осуществляемое при помощи скрытой тактики или стратегии воздействие на поведение *объекта управления*, при котором он, исходя из имеющейся информации, добровольно принимает решение, запланированное *субъектом управления* вопреки своим истинным потребностям и интересам.

Таким образом, будем исходить из того, что манипулирование является разновидностью управления и представляет собой *скрытое* воздействие субъекта на объект, при котором истинные цели субъекта (манипулятора) объекту (манипулируемому) не известны. Манипулирование предполагает также приоритетное удовлетворение интересов манипулятора, полностью либо частично *игнорирующее потребности и интересы* объекта управления.

Манипулирование юридическими целями и средствами можно определить как осуществляемую при помощи скрытой тактики или стратегии форму *правомерного* поведения, заключающуюся в постановке или использовании юридических целей, а также в создании или применении юридических средств в интересах субъекта управления (манипулятора) вопреки истинным потребностям и интересам объекта управления (манипулируемых).

В рассматриваемом контексте как официальное, так и неофициальное толкование права может использоваться (и в целом ряде случаев ис-

⁵ См.: Психологические аспекты деструктивного информационно-психологического воздействия / А. М. Столяренко [и др.] // Психология и право. 2019. Т. 9, № 4. С. 75–89.

⁶ Доценко Е. Л. Психология манипуляции : феномены, механизмы и защита. М., 1997. С. 18.

⁷ См.: Goodin R. E. Manipulatory Politics. New York, 1982. P. 14 ; Sirazetdinova M., Stoletov A., Lukmanova R. Manipulation, Individuation, and the Self. Cogito. 2021. 13 (4). P. 103–123. URL: <https://ssrn.com/abstract=4008697> (accessed: 01.08.2022).

пользуется) именно для того, чтобы субъект управления мог оправдать свое правомерное воздействие на объект управления действующими правовыми нормами и скоординировать его поведение способом, позволяющим данному субъекту максимально полно реализовать свои интересы за счет и в ущерб интересам остальных участников правоотношений.

Безусловно, толкование права – деятельность не скрытая, а, напротив, вполне «открытая», направленная на разъяснение смысла правовых норм и воли законодателя всем заинтересованным лицам, однако скрытым является именно подтекст данного понимания и разъяснения, те цели, которые, на самом деле, и преследует субъект правоинтерпретационного процесса.

Сущность манипулирования юридическими целями и средствами в правоинтерпретационном процессе заключается в том, что в ходе его реализации может происходить как *постановка* новых, так и не в полной мере соответствующее воле законодателя *обоснование* уже существующих юридических целей, равно как и *аргументирование* существования или правомерности использования не предусмотренного правовым предписанием юридического инструментария.

Важно подчеркнуть, что данная правомерная активность направлена на осуществление интересов одних участников правоотношений (субъекта управления) за счет и в ущерб интересам иных лиц (либо общества и государства в целом), что и является сущностью манипулятивного воздействия на общественные отношения.

Приведем и *другие аргументы*, обосновывающие обозначенную выше имманентность манипулирования юридическими целями и средствами правоинтерпретационному процессу.

1. Толкование права позволяет «преодолеть» сложность и излишнюю абстрактность, нечеткость юридических предписаний. Данное «преодоление», проходящее за рамками правотворческой конкретизации⁸, определяется тем, насколько искусно субъект правоинтерпретационного процесса преломит норму права к конкретным обстоятельствам, исходя из уровня своего правосознания и руководствуясь определенными интересами. Так или иначе, данный процесс, будучи во многом субъективным, зависит от целей самого субъекта толкования права и тех установок, которые предопределяют его правовую культуру.

2. Необходимость толкования права в некоторых случаях обуславливается несовершенством законодательной техники, поспешностью в принятии нормативно-правовых актов, декларативностью отдельных норм права. Преодоление указанных погрешностей (многие из которых обусловлены вполне объективными причинами) не может проходить в рамках полностью объективного процесса установления воли законодателя (что само по себе представляется весьма затруднительным, *если вообще*

⁸ См.: Залогов М. В. Конкретизация и толкование юридических норм : проблемы соотношения и взаимодействия // Журнал российского права. 2010. № 5. С. 105–112.

возможным) и зависит как от *целей* субъекта правоинтерпретационного процесса, так и от действия тех *обстоятельств*, которые *вызвали необходимость* толкования правовых норм.

Таким образом, толкование права не может не «приспособливаться» к существующим обстоятельствам, зависит от целей субъекта, его осуществляющего, претендует на установление «истинной» воли законодателя, т. е. в рассматриваемом контексте, и является манипулированием юридическими целями и средствами, последствия которого могут быть обязательными для неопределенного, самого широкого круга лиц (если речь идет об официальном толковании).

3. Необходимость, равно как и значимость интерпретации права определяется тем, что субъекту как правотворческого, так и правоприменительного процесса (ведь толкование права, особенно некоторые его виды, направлены на разъяснение не только правовых норм, но и правоприменительных актов, разнообразных юридических явлений⁹) не всегда удается ясно и точно совместить «дух» и «букву» закона. Вместе с тем дух права, будучи категорией достаточно абстрактной и институционализирующейся в правовой жизни общества, в основном лишь при помощи отдельных правовых принципов¹⁰, весьма серьезно влияет на адекватное применение буквы права¹¹, что повышает важность правильного понимания и разъяснения именно духа права для адекватного применения правовых норм, равно как и соблюдения, исполнения и использования права.

Тем не менее открытым остается вопрос, связанный с тем, что значит правильно понять, «уловить» дух права и какие критерии оценки этого существуют, что позволяет не только без каких-либо негативных правовых последствий исказить волю правотворца (равно как и субъекта применения права), но и обосновывать это в качестве того варианта справедливости и проявления «истинного духа права», который наилучшим образом соответствует сложившимся обстоятельствам и уровню развития общественных отношений. А изложенное и является не чем иным, как проявлением манипулятивных технологий в правоинтерпретационном процессе.

Следует обратить особое внимание на то, что выявление цели действующей юридической нормы еще не означает выявления истинной цели (замысла, воли) правотворца¹² (что особенно ярко проявляется при

⁹ См.: *Надеждин Г. Н.* Доктринальное толкование норм права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005. С. 7.

¹⁰ См.: *Коваль В. Н.* Влияние концепции духа законов на развитие современного гражданского материального, а также гражданского и арбитражного процессуального права // Вестник гражданского процесса. 2022. № 1. С. 23–39.

¹¹ См.: *Фокина М. А.* Злоупотребление процессуальными правами : соотношение духа и буквы закона // Вестник гражданского процесса. 2022. № 1. С. 48–62 ; *Туманова Л. В.* Определение закона, подлежащего применению, с учетом его буквы и духа // Там же. С. 40–47.

¹² См.: *Зыков С. В.* Телеологическое толкование категории «исключительное право» // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 4. С. 94–100.

телеологическом толковании права), равно как и всестороннее, глубокое понимание правового предписания далеко не всегда раскрывает истинные причины его принятия.

Сказанное свидетельствует, что толкование права *не всегда способно выступить препятствием* манипулированию юридическими целями и средствами в процессе правового регулирования и достаточно часто само является его *формой*. Тем не менее изложенное не сколько *не уменьшает* значимости эффективного правоинтерпретационного процесса в механизме правового регулирования и *не говорит*, что толкование права во всех случаях выступает способом манипулирования юридическими целями и средствами.

Описанное выше использование юридических целей и средств в правоинтерпретационной деятельности необходимо отграничивать от *злоупотребления правом*, тем более от его неправомερных форм, предусмотренных действующим законодательством (ст. 10 ГК РФ). Так, если злоупотребление правом преследует основную цель в виде причинения вреда другому лицу, то манипулирование юридическими целями и средствами осуществляется ради реализации *собственных правомερных интересов* субъекта манипулятивного воздействия, хотя за счет и в ущерб иных участников правоотношений.

Обобщая сказанное, приходим к выводу, что манипулирование юридическими целями и средствами в правоинтерпретационном процессе направлено либо на то, чтобы объект манипулирования совершил действия, выгодные субъекту манипулятивного воздействия, либо воздержался от их совершения под угрозой наказания за противоправное поведение. Обоснование же правомερности собственных действий при помощи толкования права не является манипулированием, так как не воздействует на поведение контрагента участника правоотношения в целях реализации интересов последнего.

Технологии манипулирования юридическими целями и средствами в правоинтерпретационном процессе

Следует подчеркнуть, что манипулирование юридическими целями и средствами в правоинтерпретационном процессе нередко как провоцируется самим правотворцем (неконкретность, неясность, излишняя абстрактность правовых норм, предоставление возможности применения необоснованно широкого усмотрения компетентным лицам там, где этого не требуется и т. д.), так и является *объективным следствием* того факта, что многие юридические предписания могут быть *двойко истолкованы* по самым разным, не зависящим от субъекта правотворческого процесса причинам. К последним следует отнести саму природу многих юридических предписаний, те обстоятельства, в которых им приходится регулировать общественные отношения, изменяющийся уровень правосознания и правовой культуры в обществе, невозможность охватить даже целостной системой правовых норм того многообразия общественных от-

ношений, которые им приходится координировать или же которые они могут спровоцировать и т. д.

К примеру, в специально-юридической литературе прямо говорится, что двоякое толкование может применяться к юридическим предписаниям, связанным с отказом от права¹³, закупкой товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд¹⁴, определением правового режима земельных участков, приватизированных в рамках земельной реформы 90-х годов¹⁵, незаконной охотой¹⁶, основаниями прекращения полномочий члена парламента¹⁷, порядком создания федеральных территорий¹⁸ и регулированием иного, самого широкого спектра правоотношений, возникающих в различных отраслях права. В указанном отношении не является исключением анализ возможностей двоякого толкования как отдельных положений Устава ООН¹⁹, так и Всеобщей декларации прав человека²⁰, равно как и иных важнейших правовых актов.

Вместе с тем данная возможность двоякого толкования правовых предписаний далеко не всегда является следствием погрешности юридической техники или злого умысла управомоченного лица. Сказанное, тем не менее, не исключает, что возможность двоякого толкования правовых предписаний является *основой* манипулирования юридическими целями и средствами в правовом регулировании, актуализирует диалектическое противоборство между целесообразностью и законностью²¹.

¹³ См.: Полякова В. Э. Ничтожность отказа от права. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁴ См.: Багмет А. М., Перов В. А. К вопросу совершенствования законодательства в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд // Гражданское право. 2019. № 5. С. 38–41.

¹⁵ См.: Гончарова А. А. Проблемы определения правового режима земельных участков, приватизированных в рамках земельной реформы 90-х годов, при разделе имущества супругов // Семейное и жилищное право. 2021. № 6. С. 3–7.

¹⁶ См.: Рогова Е. В., Забавко Р. А. Применение защитником нормы, устанавливающей ответственность за незаконную охоту // Адвокатская практика. 2018. № 4. С. 15–20.

¹⁷ См.: Колосова Н. М. К вопросу о юридической ответственности сенатора Российской Федерации и депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации // Юстиция. 2021. № 3/4. С. 58–62.

¹⁸ См.: Каримов Б. Р. Федеральные территории в Российской Федерации : первый опыт создания и проблемы конституционно-правового регулирования // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 3. С. 51–58.

¹⁹ См.: Синякин И. И., Скуратова А. Ю. Нормы *jus cogens* : исторический аспект и современное значение для международного права // Вестник Пермского ун-та. Юридические науки. 2018. № 3. С. 526–545.

²⁰ См.: Исполинов А. С. Правовой статус Всеобщей декларации прав человека (к 70-летию принятия) // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 4. С. 100–107.

²¹ См.: Стариков Ю. Н. Целесообразность или законность : какой критерий лучше для практики формирования системы федеральных органов исполнительной власти? // Административное право и процесс. 2017. № 3. С. 24–32.

Разнообразны и примеры манипулирования юридическими целями и средствами в правоинтерпретационном процессе. Однако предварить анализ данных примеров следует *тезисом*, что манипулирование в процессе толкования права часто *неизбежно*, в значительном количестве случаев осуществляется ради реализаций правомерных интересов как государства, так и значительных групп населения, предпринимается в целях *преодоления более серьезных* юридических коллизий, процессуальной экономики, «*адаптации*» устаревающих (или откровенно устаревших) юридических предписаний к реалиям сегодняшнего дня.

Безусловно, осуществление данных манипуляций ведет к реализации одних интересов в ущерб другим (интересам объектов манипулятивного воздействия). Однако, *не оправдывая* применение манипулятивных технологий, следует также иметь в виду, что и любая правовая норма, какой бы эффективной, востребованной и совершенной она ни была, также не может гарантировать удовлетворение правомерных стремлений всех участников правоотношений и устраивать абсолютно каждого (поэтому, наряду с субъективными правами, и существуют законные интересы, представляющие собой иную правовую дозволенность²²). Оформленная в правовую норму государственная воля общества в любом случае «оставляет за бортом» целый ряд справедливых и целесообразных интересов, отдав предпочтение правомерным стремлениям иных участников общественных отношений. Это говорит о том, что в процессе даже самого совершенного правового регулирования не создается «общество всеобщего благоденствия» с предоставлением гарантированной возможности реализации всех заслуживающих того интересов, но устанавливается требуемый определенным этапом естественно-исторического развития *баланс* интересов личности, общества и государства²³.

Таким образом, необходимо объективно и адекватно оценивать складывающиеся юридические реалии и манипулирование юридическими целями и средствами в процессе толкования права анализировать как *данность*, не преуменьшая, но и *не преувеличивая* его негативные стороны и последствия.

В качестве *примера* масштабной манипуляции юридическими целями и средствами можно привести распространенную практику именно манипулятивного толкования норм международного права как США, отдельными европейскими странами, так и коллективным Западом в це-

²² См.: *Субочев В. В.* Механизм трансформации законных интересов в субъективные права и субъективных прав в законные интересы // Современное право. 2007. № 3. С. 89–96 ; *Малько А. В., Субочев В. В.* Законные интересы в правовой жизни общества : актуальные вопросы теории и практики // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2014. № 2 (313). С. 84–98.

²³ См.: *Субочев В. В.* Диалектика интересов личности, общества и государства как общеправовая проблема // Право и государство : теория и практика. 2006. № 5. С. 125–135.

лом, отдельные и наиболее яркие аспекты которой нашли отражение в статьях министра иностранных дел России С. В. Лаврова²⁴.

Так, действуя в «строгом соответствии» с нормами международного права и уставом ООН, вооруженные силы НАТО на протяжении практически трех месяцев осуществляли бомбардировки Югославии и ее столицы Белграда под предлогом прекращения этнических чисток в Косово, в результате чего погибло более пяти тысяч мирных жителей (причем потери среди мирного населения по оценкам югославской стороны составили 5700 мирных жителей, по оценкам США – 1500 человек, по данным так называемой «правозащитной организации» Human Rights Watch – всего 528 человек). При этом руководство США и западноевропейских стран таким образом интерпретировало нормы международного права, что убедили себя и некоторую часть населения этих стран, что данные откровенно преступные действия носят характер «гуманитарной интервенции», направленной исключительно на защиту косовских албанцев и предотвращение так называемых этнических чисток со стороны обеих сторон известного конфликта в Югославии. Отсутствие разрешения на проводимую операцию со стороны Совета Безопасности ООН и игнорирование целого ряда важнейших международных конвенций, тем не менее, не мешало руководству коллективного Запада легализовывать и легитимизировать свои действия, прикрываясь нормами международного гуманитарного права.

Сказанное особенно контрастирует с ситуацией в Донбассе, когда откровенный геноцид русского населения в Донецкой и Луганской республиках многие годы игнорировался «цивилизованным мировым сообществом», а проводимая специальная военная операция по демилитаризации и денацификации Украины воспринимается как агрессия.

Вопиющее игнорирование коллективным Западом норм и принципов международного права и проводимая политика «двойных стандартов» во многом являются следствием манипулятивной *интерпретации* действующих норм (помимо манипулирования юридическими целями и средствами в процессе правотворчества и правоприменения), приводящей к искажению самой реальности, равно как и искаженному восприятию реальности субъектами правоотношений.

Не иначе как манипулированием целями и средствами в правоинтерпретационном процессе можно назвать весьма избирательное и предвзятое толкование норм международного права Европейским судом по правам человека, вся деятельность которого является косвенным индикатором напряженности в отношениях между Россией и коллективным Западом.

В этом отношении весьма показательным является то, что жители Донбасса, стараясь защитить свою жизнь и имущество в ходе много-

²⁴ См.: Лавров С. В. Об инсценировках как методе политики Запада. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1822333/ (дата обращения: 26.07.2022) ; *Его же*. О праве, правах и правилах // Россия в глобальной политике. 2022. 28 июня. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/o-prave-pravah-i-pravilah/> (дата обращения: 26.07.2022).

летней неприкрытой агрессии со стороны украинских властей, подали в ЕСПЧ более 840 правильно оформленных исков с соблюдением всех необходимых процедур, но ни по одному из них не было принято какого-либо решения. В то же время так называемый оппозиционер А. Навальный в этом же суде выиграл семь исков против России²⁵. Сказанное характеризует тесную связь между манипулированием юридическими целями и средствами в правоинтерпретационном и правоприменительном процессах.

Проблема излишней политизированности, откровенной ангажированности решений ЕСПЧ²⁶, многие из которых принимались еще до начала специальной военной операции на Украине, начавшейся 24 февраля 2022 г., стала предметом исследования различных специалистов²⁷. В отмеченной связи еще в 2010 г. Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин справедливо отметил, что каждое решение Европейского суда – это не только юридический, но и *политический* акт, но «когда те или иные решения Страсбургского суда сомнительны с точки зрения сути самой Европейской конвенции о правах человека и, тем более, прямым образом затрагивают национальный суверенитет, основополагающие конституционные принципы, Россия вправе выработать защитный механизм от таких решений. Именно через призму Конституции должна решаться и проблема соотношения постановлений КС и ЕСПЧ»²⁸.

В данном случае речь идет, по сути, о таком *манипулятивном толковании* ЕСПЧ Европейской конвенции о правах человека, от которого и необходимо защищаться России, прибегая к соответствующей интерпретации нашего Основного закона.

Бесспорно, многие решения и Конституционного Суда РФ также имеют (и не могут не иметь) политический характер, что справедливо подчеркивается М. Н. Марченко²⁹, ведь именно Конституционный Суд РФ призван «ставить точку» в острых политических дебатах, связанных с принятием того или иного закона, с применением правовых норм, вызы-

²⁵ См.: Почему ЕСПЧ принимает политизированные решения // Дни. Ру. 2017. 7 февр. URL: <https://dni.ru/society/2017/2/7/360796.html> (дата обращения: 26.07.2022).

²⁶ См., например, постановления ЕСПЧ: от 08.07.2004 по делу «Илашку и другие (Pascu and Others) против Молдавии и России» (жалоба № 48787/99) ; от 07.10.2010 по делу «Константин Маркин против России» (жалоба № 62936/00) ; от 31.07.2014 по делу «ОАО «Нефтяная компания «Юкос» (ОАО Neftyanaya Kompaniya «Yukos») против Российской Федерации» (жалоба № 14902/04) ; от 15.11.2018 по делу «Навальный (Navalnyy) против Российской Федерации» (жалоба № 29580/12) и др.

²⁷ См.: Ковлер А. И. Европейская конвенция : проблемы толкования и имплементации. М., 2019 ; Гончаров И. В. Взаимодействие Российской Федерации с международными институтами в сфере прав человека : современное состояние и тенденции развития // Журнал российского права. 2021. № 9. С. 119–132 ; и др.

²⁸ Зорькин В. Д. Предел уступчивости // Рос. газета. 2010. 29 окт.

²⁹ См.: Марченко М. Н. Конституционный Суд как субъект политических отношений // Среднерусский вестник общественных наук. 2008. № 1 (6). С. 56–63.

вающих серьезный общественный резонанс и т. д. Вместе с тем политический характер отдельных постановлений Конституционного Суда РФ, равно как и решений иных судебных инстанций, еще не означает того, что происходит манипулирование юридическими целями и средствами, которые «закладывались» в правовые нормы законодателем.

Как уже отмечалось выше, манипулятивные технологии имеют место тогда, когда *субъект* управления (представитель публичной власти, правоприменитель, иной участник правоотношений) реализует свои интересы посредством соответствующего координируемого, хотя и добровольного, поведения находящегося в неведении *объекта* управления, как правило, за счет и в ущерб интересам последнего.

Полагаем, что к манипулированию целями и средствами в правоинтерпретационном процессе можно отнести некоторые явно избирательные решения правоприменителя (как судебных, так и административных органов), связанные с оскорблением религиозных чувств верующих. Следует признать, что сама диспозиция ст. 148 УК РФ во многом подобные решения и провоцирует³⁰, оставляя открытым ряд вопросов, связанных с тем, какие действия переходят грань «явного» неуважения к обществу и от какого количества человек в каждом конкретном случае это «общество» начинается, как можно оскорбить чувство и какие именно чувства можно назвать религиозными, кого можно отнести к верующим и т. д.

Однако это не снимает проблемы манипулятивного использования практически любой законодательной конструкции в процессе ее толкования, чтобы в одном случае какое-либо действие или событие проигнорировать, а в другом привлечь нарушителя к ответственности.

Итак, манипулирование юридическими целями и средствами имманентно правоинтерпретационному процессу и обусловлено диалектикой сосуществования интересов личности, общества и государства. В указанном отношении справедливо звучит утверждение о том, что «современное общество демонстрирует устойчивый и ярко выраженный запрос на политико-правовое манипулирование, не говоря уже, что эффективность самого управления резко возрастает при обращении субъектов принятия управленческих решений к манипулятивным технологиям»³¹.

Тем не менее необходимо понимать, что манипулирование юридическими целями и средствами в процессе толкования права снижает эффективность правотворческого процесса, искажает саму сущность правообразования, так как юридические нормы перестают воплощать в себе замысел его субъектов и служат лишь достижению целей субъектов манипулятивного воздействия.

³⁰ См.: Федотова Ю. Е. Оскорбление религиозных чувств верующих и уголовный закон : работа над ошибками // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 1 (35). С. 199–205.

³¹ Субочев В. В. Политико-правовое манипулирование как основа управления обществом в эпоху постправды // Вестник Томского гос. ун-та. Право. 2019. № 34. С. 30.

Помимо сказанного, нивелируется потенциал всех форм правореализационного процесса, который становится искусственно сконструированной, механической формой координации поведения участников правоотношений, существенно ограничивающей их свободу выбора, вводящей субъектов права в заблуждение относительно их истинных интересов и потребностей, равно как и тех возможностей, которыми они могут располагать в целях реализации своих прав, свобод и законных интересов.

Библиографический список

Багмет А. М., Перов В. А. К вопросу совершенствования законодательства в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд // Гражданское право. 2019. № 5. С. 38–41.

Бельский К. С., Павлова Е. Ю. К вопросу о толковании норм финансового права // Финансовое право. 2020. № 3. С. 3–9.

Власенко Н. А., Залоило М. В. Конкретизация и толкование права как творческое содержание судебной практики // Журнал российского права. 2016. № 8. С. 43–57.

Вопленко Н. Н. Виды и акты официального толкования права // Ленинградский юрид. журнал. 2008. № 2 (12). С. 29–54.

Вопленко Н. Н. Толкование права. Волгоград, 2007. 122 с.

Гончаров И. В. Взаимодействие Российской Федерации с международными институтами в сфере прав человека : современное состояние и тенденции развития // Журнал российского права. 2021. № 9. С. 119–132.

Гончарова А. А. Проблемы определения правового режима земельных участков, приватизированных в рамках земельной реформы 90-х годов, при разделе имущества супругов // Семейное и жилищное право. 2021. № 6. С. 3–7.

Доценко Е. Л. Психология манипуляции : феномены, механизмы и защита. М. : Изд-во МГУ, 1997. 342 с.

Ершов В. В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений. М. : РГУП, 2018. 627 с.

Залоило М. В. Конкретизация и толкование юридических норм : проблемы соотношения и взаимодействия // Журнал российского права. 2010. № 5. С. 105–112.

Зыков С. В. Телеологическое толкование категории «исключительное право» // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 4. С. 94–100.

Исполинов А. С. Правовой статус Всеобщей декларации прав человека (к 70-летию принятия) // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 4. С. 100–107.

Каримов Б. Р. Федеральные территории в Российской Федерации : первый опыт создания и проблемы конституционно-правового регулирования // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 3. С. 51–58.

Коваль В. Н. Влияние концепции духа законов на развитие современного гражданского материального, а также гражданского и арбитражного процессуального права // Вестник гражданского процесса. 2022. № 1. С. 23–39.

Ковлер А. И. Европейская конвенция : проблемы толкования и имплементации. М. : ИЗИСП : Норма : ИНФРА-М, 2019. 400 с.

Колосова Н. М. К вопросу о юридической ответственности сенатора Российской Федерации и депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации // Юстиция. 2021. № 3/4. С. 58–62.

Малько А. В., Субочев В. В. Законные интересы в правовой жизни общества : актуальные вопросы теории и практики // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2014. № 2 (313). С. 84–98.

Марченко М. Н. Конституционный Суд как субъект политических отношений // Среднерусский вестник общественных наук. 2008. № 1 (6). С. 56–63.

Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права : учебник. 5-е изд. М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2021. 528 с.

Надеждин Г. Н. Доктринальное толкование норм права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005. 25 с.

Потапенко Е. Г. Дефекты толкования норм арбитражного процессуального права в современной судебной практике // Российский судья. 2020. № 12. С. 15–19.

Психологические аспекты деструктивного информационно-психологического воздействия / А. М. Столяренко [и др.] // Психология и право. 2019. Т. 9, № 4. С. 75–89.

Рогова Е. В., Забавко Р. А. Применение защитником нормы, устанавливающей ответственность за незаконную охоту // Адвокатская практика. 2018. № 4. С. 15–20.

Синякин И. И., Скуратова А. Ю. Нормы *jus cogens* : исторический аспект и современное значение для международного права // Вестник Пермского ун-та. Юридические науки. 2018. № 3. С. 526–545.

Стариков Ю. Н. Целесообразность или законность : какой критерий лучше для практики формирования системы федеральных органов исполнительной власти? // Административное право и процесс. 2017. № 3. С. 24–32.

Субочев В. В. Диалектика интересов личности, общества и государства как общеправовая проблема // Право и государство : теория и практика. 2006. № 5. С. 125–135.

Субочев В. В. Механизм трансформации законных интересов в субъективные права и субъективных прав в законные интересы // Современное право. 2007. № 3. С. 89–96.

Субочев В. В. Политико-правовое манипулирование как основа управления обществом в эпоху постправды // Вестник Томского гос. ун-та. Право. 2019. № 34. С. 29–43.

Федотова Ю. Е. Оскорбление религиозных чувств верующих и уголовный закон : работа над ошибками // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 1 (35). С. 199–205.

Фокина М. А. Злоупотребление процессуальными правами : соотношение духа и буквы закона // Вестник гражданского процесса. 2022. № 1. С. 48–62.

Туманова Л. В. Определение закона, подлежащего применению, с учетом его буквы и духа // Вестник гражданского процесса. 2022. № 1. С. 40–47.

Черданцев А. Ф. Толкование права и договора. М. : Юнити, 2003. 381 с.

Goodin R. E. Manipulatory Politics. New York, 1982. 250 p.

Sirazetdinova M., Stoletov A., Lukmanova R. Manipulation, Individuation, and the Self. Cogito. 2021. 13 (4). P. 103–123. URL: <https://ssrn.com/abstract=4008697>

References

- Bagmet A. M., Perov V. A.* On the issue of improving legislation in the field of procurement of goods, works, services to ensure state and municipal needs // Civil law. 2019. № 5. P. 38–41.
- Belsky K. S., Pavlova E. Yu.* To the question of the interpretation of the norms of financial law // Financial law. 2020. № 3. P. 3–9.
- Vlasenko N. A., Zaloilo M. V.* Concretization and interpretation of law as a creative content of judicial practice // Journal of Russian Law. 2016. № 8. P. 43–57.
- Voplenko N. N.* Types and acts of official interpretation of law // Leningrad juridical journal. 2008. № 2 (12). P. 29–54.
- Voplenko N. N.* Interpretation of law. Volgograd, 2007. 122 p.
- Goncharov I. V.* Interaction of the Russian Federation with international institutions in the field of human rights: current state and development trends // Journal of Russian Law. 2021. № 9. P. 119–132.
- Goncharova A. A.* Problems of determining the legal regime of land plots privatized in the framework of the land reform of the 90s, in the division of property of spouses // Family and housing law. 2021. № 6. P. 3–7.
- Dotsenko E. L.* Psychology of manipulation: phenomena, mechanisms and protection. M. : MGU Publishing House, 1997. 342 p.
- Ershov V. V.* Legal and individual regulation of public relations. M. : RGUP, 2018. 627 p.
- Zaloilo M. V.* Concretization and interpretation of legal norms: problems of correlation and interaction // Journal of Russian Law. 2010. № 5. P. 105–112.
- Zykov S. V.* Teleological interpretation of the category «exclusive right» // Actual problems of Russian law. 2021. № 4. P. 94–100.
- Ispolinov A. S.* Legal status of the Universal Declaration of Human Rights (to the 70th anniversary of adoption) // Comparative Constitutional Review. 2018. № 4. P. 100–107.
- Karimov B. R.* Federal territories in the Russian Federation: the first experience of creating and problems of constitutional and legal regulation // Constitutional and municipal law. 2022. № 3. P. 51–58.
- Koval V. N.* Influence of the concept of the spirit of laws on the development of modern civil material, as well as civil and arbitration procedural law // Bulletin of the civil process. 2022. № 1. P. 23–39.
- Kovler A. I.* European convention: problems of interpretation and implementation. M. : IZiSP : Norma : INFRA-M, 2019. 400 p.
- Kolosova N. M.* To the question of the legal responsibility of a senator of the Russian Federation and a deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation // Justice. 2021. № 3/4. P. 58–62.
- Malko A. V., Subochev V. V.* Legitimate interests in the legal life of society: topical issues of theory and practice // News of higher educational institutions. Jurisprudence. 2014. № 2 (313). P. 84–98.
- Marchenko M. N.* The Constitutional Court as a subject of political relations // Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk. 2008. № 1 (6). P. 56–63.
- Matuzov N. I., Malko A. V.* Theory of state and law: textbook. 5th edition. M. : Delo Publishing House, RANEPА, 2021. 528 p.

Nadezhdin G. N. Doctrinal interpretation of the law: abstract. dis. ... cand. legal sciences. N. Novgorod, 2005. 25 p.

Potapenko E. G. Defects in the interpretation of the rules of arbitration procedural law in modern judicial practice // Russian judge. 2020. № 12. P. 15–19.

Psychological aspects of destructive information-psychological impact / A. M. Stolyarenko [et al.] // Psychology and Law. 2019. Vol. 9, № 4. P. 75–89.

Rogova E. V., Zabavko R. A. Application by the defender of the norm establishing responsibility for illegal hunting // Advocate practice. 2018. № 4. P. 15–20.

Sinyakin I. I., Skuratova A. Yu. Norms of jus cogens: historical aspect and modern significance for international law // Bulletin of the Perm University. Legal Sciences. 2018. № 3. P. 526–545.

Starilov Yu. N. Expediency or legality: what criterion is better for the practice of forming a system of federal executive bodies? // Administrative law and process. 2017. № 3. P. 24–32.

Subochev V. V. Dialectics of the interests of the individual, society and the state as a general legal problem // Law and State: Theory and Practice. 2006. № 5. P. 125–135.

Subochev V. V. The mechanism of transformation of legitimate interests into subjective rights and subjective rights into legitimate interests // Modern law. 2007. № 3. P. 89–96.

Subochev V. V. Political and legal manipulation as the basis for the governance of society in the era of post-truth // Tomsk State University Journal of Law 2019. № 34. P. 29–43.

Fedotova Yu. E. Insulting religious feelings of believers and criminal law: work on mistakes // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2016. № 1 (35). P. 199–205.

Fokina M. A. Abuse of procedural rights: the relationship between the spirit and the letter of the law // Bulletin of the civil process. 2022. № 1. P. 48–62.

Tumanova L. V. Definition of the law to be applied, taking into account its letter and spirit // Bulletin of the civil process. 2022. № 1. P. 40–47.

Cherdantsev A. F. Interpretation of law and contracts. M. : Unity, 2003. 381 p.

Goodin R. E. Manipulatory Politics. New York, 1982. 250 p.

Sirazetdinova M., Stoletov A., Lukmanova R. Manipulation, Individuation, and the Self. Cogito. 2021. 13 (4). P. 103–123. URL: <https://ssrn.com/abstract=4008697>

Для цитирования:

Куликов М. А. Манипулирование юридическими целями и средствами в процессе толкования права: понятие, содержание, технологии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 4 (51). С. 109–125. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2022/4/109-125>

Recommended citation:

Kulikov M. A. Manipulation by means of legal goals and instruments in the process of interpretation of law: concept, content, technologies // Proceedings of Voronezh State Uni-

versity. Series: Law. 2022. № 4 (51). P. 109–125. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2022/4/109–125>

Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

Куликов М. А., кандидат юридических наук, заместитель руководителя международного бюро по кибербезопасности «КИБЕРПОЛЬ», докторант

E-mail: Mikhail.a.kulikov@mail.ru

MGIMO University

Kulikov M. A., Candidate of Legal Sciences, Deputy Head of the International Bureau for Cybersecurity “CYBERPOL”, Doctoral Student

E-mail: Mikhail.a.kulikov@mail.ru